

Андрей Януарьевич Вышинский

Подготовила студентка 2 курса бакалавриата
Юридического факультета СПбГУ
Шкредова Дарья Владимировна

"Низкого роста, плотно сбитый, благоухающая красивая проседь, почти слившаяся с мундиром мышинового цвета и погонами цвета надраенной стали. Тогда этот странный наряд казался верхом вкуса и элегантности. Щеточка тонких усов, очки в изящной оправе, за стеклами цепкий, колючий, пронзающий взгляд. Чуть прищуренные глаза, тоже стальные".

А.Ваксберг

«Царица доказательств. Вышинский и его жертвы»

"Вышинский был единственным образованным человеком во всем сталинском руководстве. Там мало кто знал как следует даже русский. А Вышинский говорил не только на языке матери (русском) и отца (польском), но и на очень хорошем французском, усвоенном в первоклассной царской гимназии. Он знал хуже, но тоже неплохо, еще и английский, и немецкий".

Газеты всего мира печатали речи Вышинского, где он называл подсудимых - ветеранов революции, недавних вождей партии, - **"бешеными собаками", "презренными насекомыми", "проклятой помесью лисицы и свиньи"**. Хорошо поставленным голосом, с театральными паузами, он обвинял их в самых страшных преступлениях - шпионаже, диверсиях, попытке убить Сталина и его соратников. И подводил итог: **"Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!"**

А «короновал» ли Вышинский признание обвиняемого?

"Прокурор одним из первых подхватил тезис Сталина о том, что при определенных условиях "законы придется отложить в сторону". Среди многих научных трудов академика Вышинского особенно высоко в те времена ценилась монография "Теория судебных доказательств в советском праве". Именно в ней приводился один из главных постулатов древних, который активно и гипертрофированно эксплуатировался репрессивной машиной: "Признание обвиняемого — царица доказательств".

А.Г. Звягинцев в своей книге "Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов"

В таких процессах также обязательна возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, – проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых. Но объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств. Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы... .. Таким образом, в делах о заговорах и других подобных делах вопрос об отношении к показаниям обвиняемого должен быть поставлен с особой осторожностью как в смысле их призвания в качестве доказательства, так и в смысле отрицания за ними этого качества.

Вышинский, «Теория судебных доказательств», 1941

"Было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники процесса. В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (regina probationum)"

Вышинский, «Теория судебных доказательств», 1941

"...Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики. Действительно, если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом".

Вышинский, «Теория судебных доказательств», 1941

«Развенчание» Вышинским приписываемой ему доктрины

"Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и - еще хуже - единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело"

Вышинский, «Теория судебных доказательств», 1941

Самое любимое выражение Андрея Януарьевича:

«...Мы имеем перед собой такой факт, как собственное признание ряда людей. Это могло бы освободить в иных случаях вообще от исследования каких бы то ни было других доказательств. Мы знаем, что по процессуальному праву и любого капиталистического государства, и в частности по процессуальному праву Англии, одно только сознание обвиняемого перед судом даёт право суду не производить никакого судебного следствия. ... Но в буржуазном праве этот принцип — не случаен. В буржуазных странах продолжает царить старое средневековое представление о значении и качестве доказательств, среди которых личное сознание обвиняемого считалось лучшим, считалось «царицей всех доказательств».

Вышинский, «Судебные речи»

Если мы обратимся к «Докладу Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002», то увидим, что корни оспариваемого нами тезиса растут из доклада Хрущёва:

«...И именно в этот период (1935-1937 гг.) начались массовые репрессии по государственной линии...» и далее «...Основным и, по сути, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого...» (стр. 58-59 Документов XX съезда); «...А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом: применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания»...» (стр. 82 Документов XX съезда).

Фамилию назвал в мае все того же 1956 года **секретарь ЦК КПСС Шепилов Д.Т.** - да, тот самый, который "и примкнувший к ним". В том же сборнике «Доклад Н.С. Хрущёва о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. – М.: РОССПЭН, 2002», откуда взята и цитата Хрущева, приводится текст проекта доклада Шепилова, где написано:

"Например, академик Вышинский, считавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах права, писал, что тезис Сталина об усилении сопротивления врагов по мере роста мощи Советского государства «является основой всей нашей работы по организации Советского государства». (А.Вышинский, «Вопросы теории государства и права», М. 1949 г., стр. 62). Вышинский утверждал, что личные признания обвиняемого, его показания являются основным доказательством, что «участие в группе, осуществляющей преступные действия, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал» (там же, стр. 116)..."